

Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире

Гж. В. Колодко

TIGER, Университет Козьминского (Варшава, Польша)

Последствия пандемии коронавируса, потрясшей весь земной шар, будут сказываться еще долгие годы. Она поставила человечество перед лицом невероятных трудностей, совпавших с другими негативными мегатенденциями и нерешенными экономическими, социальными и политическими проблемами. Тяжелейшие последствия и издержки пандемии — гуманитарные, социальные, экономические и финансовые — станут известны лишь по прошествии времени. В то время как одни не потеряют ничего, другие лишатся всего, а некоторые — даже своей жизни. Картина постпандемического мира, в котором в условиях необратимого процесса глобализации будут взаимодействовать различные политические и экономические системы, окажется разноплановой, при этом позиции высокоразвитых стран станут сравнительно слабее. Обострится напряженность в американо-китайских отношениях, изменятся геополитика и геоэкономика. Усилится конфронтация между демократией и авторитаризмом, которая будет сопровождаться трансформацией синергии между рынком и государством. Особенно опасным будет выбор между двумя сторонами одной и той же фальшивой монеты: неолиберальным и популистским капитализмом. Надежду на лучшее будущее может подарить постепенный переход к новому прагматизму, который представляет собой стратегию умеренности в экономической деятельности, а также экономически, социально и экологически устойчивое развитие на основе инновационной, неортодоксальной и целостной экономической теории. Пандемия станет серьезным вызовом для общественных наук (не только для экономики), поскольку старый образ мышления часто будет бесполезен при анализе и объяснении новых ситуаций.

Ключевые слова: пандемия, кризис, глобализация, экономическая политика, демократия, новый прагматизм.

JEL: A1, E02, E65, F02, H12, H68, I15.

Колодко Гжегож Витольд (kolodko@tiger.edu.pl), проф., директор TIGER — Transformation, Integration and Globalization Economic Research.

Появляется все больше признаков того, что миру не удастся выйти из штопора, в который он попал, без кризиса и новых революций. Лучше было бы найти выход путем эволюции и всеобщего развития, сбалансированного в политическом, культурном, социальном, экологическом, экономическом и финансовом отношении, однако для этого одновременно и слишком рано, и слишком поздно. Каким будет этот кризис? Мы не знаем. Когда он наступит? Нам неизвестно, однако это лишь вопрос времени, потому что противоречия нарастают и становятся все острее. Их преодоление потребует сдвигов почти тектонического масштаба: фундаментальных структурных изменений, внедрения новой системы ценностей и иного баланса сил и распределения ролей на мировой арене.

Ненависть во время чумы

Кто-то скажет, что в этих словах нет особого смысла. И все же... Впервые они были высказаны мной в книге «Истина, ошибки и ложь: политика и экономика в нестабильном мире» (Kolodko, 2011. Р. 341). В ней содержится предостережение, что в случае неспособности политиков отвечать на вызовы современного мира со временем разразится *еще более глубокий кризис* (Even Greater Crisis, EGC). Этот термин я ввел, чтобы подчеркнуть неизбежность кризиса, который окажется еще более тяжелым, чем мировой экономический кризис 1929–1933 гг. «Наступит еще более глубокий кризис, вызванный наложением серьезных демографических, экологических и политических проблем на значительные экономические пертурбации. Вопрос лишь в том, когда именно он наступит и как он будет развиваться». Эти слова были написаны десять лет назад (Kolodko, 2010). Более того, в моей монографии «Куда катится мир: политическая экономия будущего» можно найти следующие предостережения: «Мы стоим на пороге еще большей катастрофы, чем недавний кризис, и еще бóльших разногласий, за которыми последуют более острые конфликты, и не только экономические» (Kolodko, 2014a. Р. 7), а также «мы не сможем избежать еще более глубокого кризиса со всеми сопровождающими его социальными революциями» (Kolodko, 2014a. Р. 426).

Так что сегодня, когда мне задают вопрос: «Профессор, тот самый еще более глубокий кризис, о котором вы писали, уже наступил?», я отвечаю: «Да». Ситуация развивается именно так, потому что множество событий происходит одновременно. Итак, что именно происходит одновременно, что нам следует увидеть в долгосрочной перспективе и на огромном пространстве, а не только здесь и сейчас? В своей трилогии о мире я сформулировал 12 великих вопросов о будущем. Здесь я упомяну только половину из них — наиболее важные в контексте сегодняшней ситуации, при этом не умаляя значения остальных.

1. Системные и структурные причины предыдущего глобального финансового и экономического кризиса не были устранены. Восторжествовали алчность сильных мира сего и податливость политической элиты под их давлением (Galbraith, 2014; Stiglitz, 2019).

2. Влияние неолиберализма — как его идеологии, так и экономической политики в сочетании с недостаточным регулированием,

благодаря которым меньшинство обогащается за счет большинства, не было полностью преодолено. В результате глобализация, которая при других обстоятельствах представляет собой необратимый процесс, до сих пор не стала достаточно инклюзивной, а это непереносимое условие гармоничного развития (Harvey, 2005).

3. Попытки остановить процесс разрушения окружающей среды и глобальное потепление терпят крах (Diamond, 2019; Wallace-Wells, 2019). Человечество становится на путь термального уничтожения, при этом людям уже не нужно отправляться в ад, ведь они создают его здесь, на Земле.

4. За некоторыми исключениями оказалось невозможным остановить рост неравенства доходов и благосостояния и настроить экономическую систему так, чтобы сократить его (Milanovic, 2016). Без этого нет шансов надолго сохранить социальное единство.

5. Демографический дисбаланс усугубляется, что ведет, с одной стороны, к огромной дифференциации рождаемости и, как следствие, к излишкам и дефициту рабочей силы, а с другой — к массовой миграции. Десятки миллионов людей (бегущих как оттуда, где невозможна мирная жизнь, так и оттуда, где невозможна достойная жизнь) устремятся в богатые страны.

6. Политическая напряженность растет из-за неспособности урегулировать обостряющиеся международные проблемы и отсутствия механизмов управления мировой взаимозависимой экономикой. Поднимают голову ксенофобия и шовинизм, новый национализм и протекционизм, сопровождаемые Второй холодной войной¹ и торговой войной, объявленной США не только Китаю и России, но в некоторых случаях и собственным союзникам (Klein, Pettis, 2020).

Может возникнуть вопрос: какие революции, какие бунты? Что ж, во-первых, сначала люди выйдут из себя, а затем — на улицы. От Арабской весны до «Черные жизни важны», от Майдана до «Захватчиков Лондона», от площади Таксим в Стамбуле до Уолл-стрит в Нью-Йорке, от Дели до Сантьяго; они могут быть в желтых жилетах, как во Франции, или в футболках со слоганом «KON-STY-TUC-JA», как в Польше. Число таких демонстраций увеличится по ряду причин. Одна из них — то, что благодаря пандемии в большинстве стран люди обнаружат, насколько велико неравенство. Например, в Чикаго на чернокожих приходится 70% смертей от коронавируса, хотя их доля в населении города 30%.

После пандемии все больше недовольных будут выходить на улицы. Всемирной революции не произойдет, однако хаос может усилиться. Миру нужны новые идеи и великие лидеры — государственные деятели мирового масштаба, а не демагоги, выкрикивающие: «Америка прежде всего!» или «Альтернатива для Германии!». Чтобы не допустить анархизации, способной разрушить культуру и экономику

¹ Я ввел термин «Вторая холодная война» (Kolodko, 2019), означающий современную напряженность и враждебность в международных отношениях, особенно между США, с одной стороны, и Китаем, Россией и Ираном — с другой, с учетом того, что предыдущая холодная война, к счастью, закончилась после политического прорыва в 1989 г. в Восточной Европе и на территории бывшего Советского Союза. Теперь тот конфликт следует называть Первой холодной войной.

всего мира, необходимы новые идеи и концепции развития, такие как новый прагматизм — своего рода гибрид целостной экономической теории и практичной экономической политики, нацеленный на обеспечение инклюзивного роста и устойчивого развития (Baltowski, 2017; Galbraith, 2018; Kolodko, 2014b).

Кроме того, беда не приходит одна. Кризис, вызванный пандемией, наложился на параллельные мегатенденции современной цивилизации и глобализированной экономики. Я не был ясновидцем, когда писал, что мы стоим перед лицом «нарастающей угрозы массовых заболеваний, быстро распространяющихся эпидемий...» (Kolodko, 2011. Р. 98), и «было бы верхом наивности полагать, что не появятся новые заболевания, обладающие смертоносным потенциалом ВИЧ-СПИД или SARS. Это обязательно случится рано или поздно» (Kolodko, 2011. Р. 159), добавив, что «процветающие страны и крупные государства, такие как Китай, смогут выдержать подобный удар, тогда как в бедных странах эти эпидемии произведут сокрушительный эффект. В них они вызывают хаос и неразбериху, снижая качество жизни и, как следствие, сокращая потенциальный ВВП» (Kolodko, 2011. Р. 160).

Но не время сожалеть о спаде производства, поскольку он выступает результатом борьбы за человеческие жизни. Миллионы жизней, спасенных благодаря радикальным и дорогостоящим профилактическим и лечебным мероприятиям, гораздо ценнее, чем убытки, причиненные рецессией, и, без сомнения, ценнее, чем триллионы убытков на фондовых биржах. Однако снижение стоимости активов пенсионных фондов и обесценение долгосрочных сбережений сектора домохозяйств могут оказаться болезненными. Также ничего хорошего не сулят нехватка ликвидности у ряда предприятий и недостаток инвестиционного капитала, вызванные обвалом на фондовых биржах.

Правительства поступают правильно, увеличивая объем государственных расходов для поддержки восстановления экономики и защиты населения и особо нуждающихся граждан. В зависимости от реалий необходимо разумно влить в экономику миллиарды, сотни миллиардов долларов, используя в том числе инновационные финансовые инструменты, созданные специально для этого случая.

Еще важнее долгосрочные последствия. Без сомнения, пандемия наложит отпечаток на микроэкономическое поведение домохозяйств и макроэкономическую эффективность транснациональных корпораций, а также на настроения политиков и экономистов. Очень важен их подход к решению проблемы глобальных цепочек поставок. Следует опасаться усиления страха и иррациональности, узости мышления и национализма, партикуляризма и протекционизма. Нам угрожает не только то, что можно увидеть лишь в микроскоп, — коронавирус, но и то, что можно разглядеть невооруженным глазом. Ненависть...

Расовая ненависть и ксенофобия, исламофобия, синофобия, русофобия, ненависть «настоящих поляков» или «настоящих финнов» к представителям других культур, буддистов из Мьянмы к рохинджа, шиитов Ирана к суннитам Аравийского полуострова, консервативных англичан к европейцам из Брюсселя. Неприязнь к иностранцам, к другим — «понаехавшим», к выходцам из «захолустных стран» и к

«этим насильникам из Мексики», к цветным и «неверным». Она вредит всем нам, потому что вредит глобализации, которая нас объединяет. Действительно, на кону стоит самая ее основа — способность людей объединяться. Несомненно, вредна ненависть Д. Трампа практически ко всему, что делали его предшественники-демократы, особенно Б. Обама, и что принесло положительные результаты для мирного сотрудничества и инклюзивной глобализации: к участию в соглашениях о свободной торговле, к Парижскому соглашению по противодействию изменению климата, к экономическому соглашению с Канадой и Мексикой, к договоренности по иранской ядерной программе, к соглашению с Россией о ликвидации ракет средней дальности, к прерогативам Всемирной торговой организации, к принципу многосторонних отношений в глобальной экономической и политической игре.

Печально, когда президент США называет коронавирус «китайской заразой», и стыдно, когда пресс-секретарь Министерства иностранных дел Китая высказывает предположение о том, что вирус в Ухане, где произошла первая вспышка эпидемии, был выпущен на волю американскими военными. В Польше, где процветает ненависть среди «элиты» «пост-Солидарности» — между «Гражданской платформой» (PO) с ее правым неолиберальным крылом и «Законом и справедливостью» (PiS) с его популистско-националистическим уклоном, мы не так давно слышали, что беженцы разносят паразитов и микробы. Беженцы не виноваты в распространении смертельно опасного вируса, однако некоторые страны предпочли бы закрыть для них свои границы — не на время, а навсегда, и желательно отгородиться стеной с колючей проволокой. И это происходит во многих странах, в том числе гордо считающих себя ведущей евроатлантической цивилизацией.

Дефицит воображения

Тяжелые времена должны быть посвящены углубленной интеллектуальной и политической рефлексии. Пандемия с ее далеко идущими последствиями накладывает на упомянутые выше мегатенденции и служит детонатором невиданного кризиса. Если демократия не справится с его вызовами, то повысится вероятность общественного запроса на авторитаризм.

Положение либеральной демократии было незавидным еще до пандемии (Deneen, 2018), и некоторые считают, что для поддержания конкурентоспособности высокоразвитых стран было бы полезно ее немного ограничить (Jones, 2020). Теперь оно может ухудшиться еще больше. С одной стороны, налицо слабости демократии и ограниченная способность решать проблемы, которые ставит перед ней быстроменяющаяся мировая ситуация (Krastev, Holmes, 2019). С другой стороны, в десятках стран, борющихся с пандемией, введенные временно ограничения гражданских свобод могут сохраниться и после ее преодоления (Economist, 2020).

Отсюда вопрос: каким будет мир после пандемии? Ее последствия, охват, глубина проникновения и продолжительность вызываемых ею

неизбежных экономических, социальных и политических кризисов не поддаются предварительной оценке.

Для адекватного восприятия окружающей среды требуются не только знания, но и воображение, не оторванное от жизненных реалий, а рождаемое из знаний, которые получают в результате критического анализа фактов и аккуратной интерпретации происходящих явлений и процессов. К сожалению, в дополнение к прочим дисбалансам, вносящим разлад в общественные отношения, имеет место и ограниченность воображения.

Невозможно победить хаос, проникающий в социально-экономические отношения, если краткосрочная политика не увязана с долгосрочной стратегией развития. Военные знают, что существуют оперативные мероприятия, тактика и стратегия, и они должны быть согласованы друг с другом. В экономике об этом часто забывают или даже не задумываются, что во многом вызвано наивной верой неolibералов во всемогущество рынка. Слепление финансиализацией экономики и узкая концентрация на рынках капитала сродни поведению лесоруба с пилой в руке там, где требуется лесник, обладающий широким кругозором. Мудрая стратегия должна полагаться не только на хорошее понимание исходной ситуации, но и на воображение.

Разве не удивительно, что фактически ни одна экономическая доктрина не ставит под сомнение необходимость содержать дорогостоящие мобилизационные резервы, и правительства всегда выделяют на эти цели средства из госбюджета, несмотря на то что их военная мощь в подавляющем большинстве случаев так и не будет применена? Не потому, что потенциальный агрессор будет утрашен ею, а в силу отсутствия реального врага, готового к нападению. Баланс сил и безопасность можно поддерживать за счет лишь части понесенных расходов. К сожалению, в современном мире среди политиков и СМИ распространено повинование влиятельным военно-промышленным лобби и их сторонникам. Хотя никто не мог предсказать такую масштабную катастрофу пандемии коронавируса, но оказалось, что даже в богатейших странах нет достаточных резервов на случай существенного ухудшения ситуации в здравоохранении. Разве не лучше было бы иметь их вместо бесполезных резервов солдат и оружия? Тогда люди будут в большей, а не в меньшей безопасности.

Стремясь убить коронавирус до того, как он убьет нас, нельзя забывать о рисках в других областях. Иногда они возникают далеко от нас, но в век глобализации почти ничто не находится так далеко, чтобы об этом можно было не беспокоиться.

Серьезные последствия может иметь неразрешенный конфликт в Гонконге. Когда его жители сочтут, что пандемия прошла, уличные выступления людей в масках, защищающих не легкие от вируса, а лица от вездесущих камер, продолжатся с новой силой. Если они выйдут из-под контроля, то Пекин может потерять терпение и решит применить силу для восстановления порядка. Последствия такого поворота для международных отношений — особенно отношений Китая и Запада — будут фатальными. Мотивированные политическими соображениями экономические санкции спровоцируют еще бóльшую турбулентность в мировой экономике, чем нынешняя торговая война.

Если Израиль — с одобрения США или без него — начнет бомбить ядерные объекты Ирана, тот ответит блокадой Ормузского пролива. Тогда нефть будет стоить не 15–25 долл./барр., а, возможно, 125 долл. И то, и другое плохо, потому что в первом случае она окажется для кого-то слишком дешевой, а во втором — слишком дорогой.

Если не только Турция, не справившись с почти 4 млн беженцев (большой частью из Сирии), откроет границы с Евросоюзом, но то же сделают режимы в Ливии, остановить усилившийся поток мигрантов с Ближнего Востока и из стран Африки к югу от Сахары будет невозможно. В таком случае не удастся поддерживать общественное спокойствие в Европе. Необходимо искать прагматичный способ разрешения конфликтов в странах Ближнего Востока и Северной Африки и помочь им (в том числе финансами) в развитии (Seck, 2020), чтобы ослабить растущее стремление их жителей бежать оттуда.

Если снова возрастет напряженность между Индией и Пакистаном по кашмирскому вопросу и будет применено ядерное оружие, которое есть у обеих стран, это дестабилизирует всю глобальную политическую систему и повлечет серьезные неблагоприятные последствия для многих стран, в том числе находящихся далеко от Индийского субконтинента.

Если продолжится бесконтрольная вырубка тропических лесов, а президент Болсонару не помешает сжиганию их тысяч гектаров в бассейне Амазонки, то каждый следующий год будет жарче, чем в результате действия всех других факторов. Это еще больше усугубит проблему глобального потепления.

Если, воспользовавшись политической сумятицей, вызванной пандемией, на Тайване возьмут верх националисты и в одностороннем порядке объявят независимость своей территории, то Китай начнет военное вторжение и заставит остров присоединиться к метрополии. Это не спровоцирует войну между США и Китаем, однако их политические и экономические отношения ухудшатся намного сильнее, чем между странами Запада и Россией после присоединения последней Крыма в 2014 г.

Действие множества факторов всегда накладывается друг на друга, поэтому стратегический социально-экономический анализ должен стать всеобъемлющим (Arthur, 2015). Нельзя не учитывать риск наступления этих региональных кризисов. Поскольку они предсказуемы и возможны, их необходимо предотвратить. Именно для этого и существуют политика и программные меры, которые в каждом случае должны быть скоординированы на наднациональном уровне, так как подобные ситуации оказывают влияние на глобальную повестку. Кроме того, чтобы политика была мудрой и эффективной, общественные науки, в частности экономика, должны быть нацелены на поиск ответов на вопросы, которые может поставить перед нами будущее. Отчасти его всегда можно спрогнозировать с помощью научных методов (Morris, 2010; Randers, 2012), отчасти здесь всегда требуются творческие усилия (Tirole, 2017; Krugman, 2020).

Рецессия и рост или депрессия?

Нынешняя ситуация неустойчива, как никогда раньше. Во-первых, мы не знаем, какими будут результаты пандемии для человечества. Заразятся ли миллионы или десятки миллионов? Погибнут ли сотни тысяч или миллионы? Нам неизвестно, как будут формироваться межличностные отношения: станет ли больше взаимовыручки, больше или меньше взаимного доверия — основы социального капитала, больше или меньше толерантности к культурным различиям? Неясно, сколько производственно-сбытовых цепочек будет нарушено.

Мы не знаем масштабов и продолжительности приостановки оказания различных услуг. Количество закрытых ресторанов и пустых кинотеатров не поддается подсчету, тогда как, согласно некоторым данным, было отменено 2 млн авиарейсов, а 200 млн человек не смогли

прибыть вовремя в пункт назначения². В результате ни одна крупная авиакомпания не сможет выжить без государственной поддержки³.

Мы не можем сказать, насколько крупными, в какой последовательности и насколько эффективными с точки зрения обеспечения экономической активности будут пакеты мер поддержки, которые вводят все больше правительств и некоторые международные организации. Степень их решимости также не имеет прецедентов, и известная фраза о том, что «будет сделано все, что необходимо», произнесенная летом 2012 г. тогдашним президентом Европейского центрального банка М. Драги о шагах по предотвращению падения евро, повторяется на многих языках. В мировом масштабе, по оценкам, только в 2020 г. общая сумма поддержки, предоставляемой правительствами и центральными банками, будет варьировать от 9 трлн до 11 трлн долл. США.

Мы уже знаем, что нужно готовиться к рецессии. Не везде, но определенно в крупнейших странах с развитой экономикой: в США, Японии, Ю. Корее и Евросоюзе (в частности, что важно из-за их относительного веса, в Германии, Франции, Италии и Испании, а также в Польше), в Канаде и Австралии. Остается надежда, что рецессия не затронет многие бедные страны, поскольку, к счастью, коронавирус распространяется в них — по крайней мере, в некоторых, особенно в бедных странах Африки, — с меньшей интенсивностью. Если пандемия дойдет до них, то их экономика пострадает в сравнительно меньшей степени, чем в развитых странах, хотя в гуманитарном отношении для них это станет ужасным катаклизмом из-за недостаточно развитых систем здравоохранения.

Нет сомнений в том, что обязательства самых бедных стран должны быть списаны — в срочном и безусловном порядке. Нельзя заставлять их обслуживать свои долги перед развитыми странами и западными банками в ситуации, когда им необходимо защитить здоровье своих граждан и сохранить рабочие места за счет радикального увеличения расходов, сумма которых недостаточна даже в спокойные времена. Только в 2020 г. 69 беднейших стран мира должны выплатить 19,5 млрд долл. США правительствам богатых стран и международным организациям, а также 6 млрд долл. иностранным частным кредиторам. Эти 25 млрд долл. следует списать, разумеется, за счет налогоплательщиков и акционеров банков богатых стран. Важно, что уже весной 2020 г. МВФ выделил 50 млрд долл. США на финансирование в случае чрезвычайной ситуации, а Всемирный банк одобрил пакет реагирования на сумму 14 млрд долл. для наиболее уязвимых стран (ВВС, 2020а). Эти ресурсы следует передать в форме льготных кредитов и грантов наиболее нуждающимся странам, при этом предпочтение должно быть отдано поддержке систем здравоохранения.

Китай и Индия производят около 26% мирового валового продукта (расчет по паритету покупательной способности, ППС). Изменения

² Прогноз на конец первого квартала 2020 г.

³ American Airlines — одна из богатейших авиакомпаний в мире — уже в конце марта 2020 г. обратилась к американскому правительству за финансовой помощью в размере 12 млрд долл. В рамках первого 2-триллионного пакета мер государственной поддержки, принятого в марте 2020 г., администрация США выделила 58 млрд долл. на поддержку авиакомпаний: половину — на субсидии, половину — на кредиты и кредитные гарантии.

глобальной экономической динамики — увеличение или сокращение производства — более чем на $\frac{1}{3}$ зависят от этих двух самых густонаселенных стран⁴, поэтому развитие ситуации в них очень важно. По-видимому, в 2020 г. Китай сможет предотвратить спад производства. Однако это вызывает большие сомнения: неудивительно, что одни объявляют о рецессии, а другие предсказывают рост⁵. Такие расхождения объясняются крайней ненадежностью статистических данных.

В Индии вместо роста ВВП более чем на 6% ожидается рецессия. Продолжающаяся несколько недель изоляция огромного количества людей вызвала шок как для предложения, так и для спроса в экономике, основу которой составляют главным образом мелкие компании и сектор услуг, который обеспечивает 62% ВВП. В этой стране⁶ 100 млн человек — крестьяне, иногда работающие в городах и живущие в крайней бедности в трущобах⁷. Изоляция привела к разорению многих компаний и, вопреки намерениям, выгнала десятки миллионов людей на улицы и дороги, потому что единственный путь к спасению они видели в том, чтобы добраться до своих родных деревень, порой находящихся в сотнях километров от мест их пребывания. Такие плохо продуманные и, несмотря на громкие заявления, неосуществимые ограничения передвижения людей вместо сдерживания распространения коронавируса могут дать обратный эффект, экономические последствия которого будут катастрофическими.

Мы не знаем, как будет развиваться ситуация в Африке, Латинской Америке и в Карибском регионе, но с глобальной точки зрения это не так важно, поскольку эти континенты обеспечивают лишь 4 и 7,5% мирового производства соответственно⁸.

Рецессия может быть непродолжительной, однако депрессия может оказаться длительной и сопровождаться массовой безработицей. Согласно методике МОТ, до пандемии, в конце 2019 г., в мире было 170 млн безработных (около 5% всей рабочей силы). Мы не знаем, на сколько десятков миллионов увеличится численность безработных из-за пандемии⁹. В соответствии с оценкой МОТ во II кв. 2020 г. вспышка коронавируса

⁴ Население Китая и Индии составляет 1,4 млрд и 1,33 млрд человек соответственно.

⁵ В конце I кв. 2020 г. Всемирный банк сделал прогноз, согласно которому в менее развитых регионах Восточной Азии и Тихоокеанского региона (кроме Японии, Ю. Кореи, Австралии, Новой Зеландии, Тайваня, Сингапура и Гонконга) темп роста снизится с 5,8% в 2019 г. до 2,1%. В случае Китая прогноз предполагал рост на 2,3%, согласно базовому сценарию, и на 0,1%, согласно пессимистичному. В результате в 2020 г. во всей Юго-Восточной Азии и Тихоокеанском регионе почти на 24 млн больше людей, чем ожидалось до пандемии, не смогут преодолеть черту бедности — ежесуточный доход в размере 5,5 долл. США по ППС (BVS, 2020b).

⁶ ВВП на душу населения в Индии составляет около 2000 долл. США, что эквивалентно приблизительно 7200 долл. по ППС. Среднемировой показатель до пандемии составлял около 18 тыс. долл. США по ППС.

⁷ Для иллюстрации: в Дхарави (самый густонаселенный район трущоб в Мумбаи и, пожалуй, во всей Индии) на небольшом участке земли площадью 2,5 кв. км проживает не менее 650 тыс. человек.

⁸ В Африке проживает около 1,33 млрд человек (как и в Индии, но население Африки растет быстрее), а в Южной и Центральной Америке и Карибском регионе — около 650 млн.

⁹ Только в США за последнюю неделю марта 6,6 млн людей обратились за пособием по безработице. Неделей ранее таких заявок было 3,3 млн. Эти недели стали рекордными за всю историю США. Для сравнения: из-за финансового кризиса 2008–2009 гг. работы лишились 9 млн человек.

должна сократить рабочее время в мире на 6,7%¹⁰. Это значит, что работу потеряют 195 млн работников с полной занятостью.

Мы не знаем, насколько вырастет государственный долг в результате дополнительных расходов правительств и сокращения налоговых и квазиналоговых поступлений, вызванного замедлением экономики, а также какие последствия это будет иметь для финансовых рынков¹¹. За первые 25 дней марта индекс Доу–Джонса пять раз максимально снижался за день и пять раз максимально рос за 135-летнюю историю. Перед тем как на рынки вернется спокойствие, они будут часто колебаться. Это тревожит инвесторов и рыночных спекулянтов, но также, что еще хуже, дестабилизирует ожидания бизнеса, что окажет очевидное отрицательное воздействие на реальный сектор экономики — занятость, производство, потребление и инвестиции.

Беспокойные времена

В состоянии раздражения трудно поступать рационально. Рациональным считается тот, кто действует во благо себе на основании имеющейся информации. Однако она изменчива, сомнительна, противоречива и туманна. В целом немногие разработчики программных мер действуют рационально, потому что это не способствует росту политической популярности и получению голосов на выборах (Koźmiński et al., 2020). Возможно, шок, вызванный пандемией, сместит акценты в треугольнике «эмоции—политические игры—рациональность» в сторону рациональности. Нельзя исключать и обратное — волну демагогии и шарлатанства, которая всегда поднимается в условиях тяжелого кризиса.

Обменные курсы будут сильно колебаться. Не стоит ожидать их стабилизации в течение долгого времени после пика пандемии. Соотношение американского доллара, евро и китайского юаня будет ключевым в этом вопросе. Как ни парадоксально, несмотря на масштабный экономический кризис в США — более глубокий, чем в Китае, и не менее серьезный, чем в Евросоюзе, — американский доллар укрепляется во время пандемии. Это происходит благодаря международному спекулятивному капиталу, который в трудные времена доверяет доллару больше, чем другим валютам¹².

Нет сомнений в том, что дисбалансы государственных финансов

¹⁰ Данный показатель получен с учетом 26,5% в сельском хозяйстве, 14,5 в розничной торговле и 13,9% в обрабатывающей промышленности в верхней части спектра и 1,6% в финансовом секторе, 4,1 в здравоохранении и 4,6% в секторах жилья и продовольствия в нижней части (ILO, 2020).

¹¹ В I кв. 2020 г. индексы Доу–Джонса для промышленных компаний и FTSE 100 Лондонской фондовой биржи зарегистрировали наибольшие падения с 1987 г., снизившись на 23 и 25% соответственно. Индекс S&P 500 упал на 20% — худший результат с 2008 г.

¹² В конце 2019 г. сумма валютных резервов всех стран была эквивалентна 11,08 трлн долл. США, из которых 60,9% хранилось в долларах США, 20,5 — в евро, 5,5 — в японских иенах, 4,6 — в британских фунтах, 1,9 — в канадских долларах, 1,7 — в австралийских долларах и лишь 0,15% — в швейцарских франках. В китайских юанях (RMB) центральные банки хранят 222 млрд долл. США, что эквивалентно около 2% мировых валютных запасов.

во многих странах сильно вырастут. Никто в здравом уме уже не протестует против крупных, иногда радикальных бюджетных дефицитов. Притихли даже доктринеры монетаризма и неолиберальные догматики, такие громогласные в 2008–2009 гг., во время глобального финансового кризиса (Foster, McCheseny, 2014).

Это также будет иметь последствия для экономической доктрины и политической практики. Получит развитие пестрая, разнородная «экономика пандемии» — как в описательном, так и в нормативном смысле. Во-первых, она будет содержать много не только инновационных и разумных предложений по применению инструментов экономической политики и методов управления, но и разного рода бессмысленных идей и предложений. Со временем она обретет более четкие очертания и сможет стать основой ортодоксальной политики постпандемического мира.

В экономике постпандемического мира догмат императива сбалансированного государственного бюджета утратит свою силу. Откажутся от доктрины о недопустимости финансирования дефицита государственного бюджета независимым центральным банком. Будут пересмотрены взгляды на возможность и легитимность монетизации дефицита путем увеличения денежной массы, особенно за счет так называемого печатания денег. До сих пор некоторые центральные банки, включая ФРС США (Ashworth, 2020), пользовались этим инструментом. Теперь это перестает быть табу во всем мире.

Даже если несколько вырастет инфляция, которая в последние годы не представляла большой проблемы¹³, это будет разумной ценой, которую стоит заплатить за сохранение рабочих мест и объема производства. Относительно более высокая инфляция будет приемлемой как один из способов финансировать обслуживание государственного долга. Отрицательные процентные ставки центральных банков — эта анафема традиционного монетаризма — на несколько лет станут нормой, как и отрицательная доходность государственных облигаций в некоторых странах. В Японии это происходит уже много лет. Подобная ситуация имела место в 2007–2013 гг., когда в богатых странах государственный долг вырос с 59 до 91% ВВП. В последнее десятилетие правительствам удавалось получать кредиты по близким к нулю или отрицательным ставкам.

Чего ждать от следующего десятилетия, мы не знаем, но реальные процентные ставки в ведущих странах будут оставаться отрицательными по крайней мере в течение некоторого времени. Поскольку в богатых странах инвесторы больше покупают государственные облигации, номинированные в их национальных валютах, то там финансировать бюджетный дефицит будет проще. В бедных странах сделать это гораздо сложнее, тем более что иностранные инвесторы вряд ли захотят покупать их ценные бумаги. В них придется прибегнуть к так называемым финансовым репрессиям, то есть заставлять хозяйствующих субъектов покупать государственные облигации, доходность которых ниже уровня инфляции. Со временем привлекать средства, в том числе капитал, необходимый для финансирования государственных инфра-

¹³ За некоторыми исключениями, такими как Аргентина, Судан, Ангола, Турция и особенно случаи гиперинфляции в Зимбабве и Венесуэле.

структурных инвестиций, содействия техническому прогрессу и внедрению инноваций в экономике, может стать дороже. Еще один вопрос, вызывающий споры: какой объем дополнительных государственных средств, выделенных для борьбы с кризисом, вызванным пандемией, должен быть направлен на инвестиции в инфраструктуру, а какой — на поддержку частных предприятий для сохранения рабочих мест? Некоторые авторы считают, что выделять средства коммерческому сектору более эффективно с точки зрения поддержания объемов производства и их восстановления (Frydman, Phelps, 2020).

Труднее всего будет избавиться от привычки накапливать избыточные долги. Тем не менее международные финансисты и связанные с ними политические и медийные круги особенно заинтересованы в том, чтобы продолжать поступать в том же духе. Именно они в последние десятилетия продвигали идею финансиализации на основе торговли различными формами долга (McLean, Nocera, 2010; Wolf, 2014; Tanzi, 2013).

Эпидемия чумы в XIV в. не привела к такому экономическому хаосу (гуманитарный был намного серьезнее), как нынешний, потому что масштабы кредитования были несущественными. Теперь кредиты вышли на первый план. Те, кто не имеет долгов, смогут пережить пандемию без большого ущерба, а должники сильно пострадают от разорения своего бизнеса и домохозяйства. Жить без кредитных учреждений, как и вести бизнес, невозможно, однако в будущем их роль может и должна быть ограничена. Это будет полезно даже в благоприятные времена. И наоборот: имея сбережения, можно легче пройти через сложную ситуацию и пережить кризисный период, чем без финансовых резервов.

В практике Евросоюза для госдолга применяется пороговое значение 60% ВВП, а для бюджетного дефицита — 3%. Страны-члены должны соблюдать эти параметры согласно Маастрихтским принципам конвертации валюты (Baun, 2019) и условиям Пакта стабильности и роста¹⁴. В течение следующих нескольких лет действие этих правил будет приостановлено. Также не будет применяться процедура избыточного бюджетного дефицита (Kolodko, Postula, 2018).

Со временем правительства начнут повышать налоги — как косвенные, так и прямые. Во втором случае, разумеется, более высокодоходные группы населения должны будут платить относительно больше, поэтому представляется неизбежным увеличение прогрессии шкалы налогообложения.

Важно не допустить захвата бюджетных средств как левыми, так и правыми популистами, которые захотят забрать как можно больше из государственной казны, разумеется, под видом помощи нуждающимся, даже если они могут справиться сами. Еще больше следует опасаться жадности богатых и их влиятельного лобби, которое организовано намного лучше, чем работники и потребители. В США Палата представителей сперва заблокировала крупнейший в истории пакет мер

¹⁴ Ввиду недостаточной эффективности Пакта стабильности и роста в него были внесены существенные изменения с использованием «Экономического пакета из шести регламентов» (Schaechte et al., 2012). Это помогло взять под контроль размер бюджетных дефицитов и государственного долга стран Евросоюза. Теперь же, после окончания пандемии, эти жесткие бюджетные правила придется ослабить.

поддержки — 2 трлн долл., потому что, согласно первоначальному предложению Белого дома, внушительную часть денег налогоплательщиков предполагалось направить компаниям, которые в помощи не нуждались. Вместе с тем, до того как пакет все же был принят и вступил в силу, уже звучали предложения увеличить его не менее чем в пять раз. Тогда его объем достиг бы половины ВВП, а с этим не может справиться ни одна экономика — даже США во времена, когда «Америка снова становится великой» благодаря президенту Трампу...

Экономика и политика

Определенно, щедрость президента Трампа, который за несколько недель до того, как коронавирус безжалостно атаковал Соединенные Штаты, говорил об угрозе пандемии как о «мистификации демократов», по-видимому, поможет ему избраться на второй срок. Политическая логика здесь в том, что, поскольку экономическая ситуация ухудшается с каждым последующим месяцем перед выборами, вызванные этим политические потери должны быть компенсированы, насколько это возможно, путем огромных трансфертов государственных средств.

Правительство Польши, сформированное партией «Закон и справедливость», проявляет аналогичную щедрость, чтобы обеспечить переизбрание президента А. Дуды. Его оппоненты небезосновательно считают, что в ближайшие несколько месяцев экономическая ситуация в стране ухудшится. Поэтому ухудшатся и политические настроения, что приведет к росту недовольства властью, включая президента, жаждущего переизбрания, и будет работать на его оппонентов. В ответ правительство станет легче тратить деньги, тем более под возросшим давлением со стороны как многочисленных активистов, заявляющих о беспокойстве за судьбы людей, так и немногих богатых, заботящихся о собственной судьбе. Таким образом, чем позже пройдут выборы, тем дороже это будет стоить для государственных финансов. Демократия не обходится дешево.

В данном контексте из денежных мешков, собранных центральными банками и налоговыми ведомствами, возникнет четыре потока денег. Нельзя точно разделить их друг от друга, но можно привести их общее описание.

1. Поток общественно полезных и социально обоснованных средств для защиты здоровья и жизни людей и поддержания уровня жизни тех, кто наиболее пострадал от кризиса и не может справиться с ним без государственной поддержки.

2. Экономически обоснованные ассигнования для обеспечения финансовой ликвидности в экономике, стимулирующие развитие секторов производства, услуг и инвестиционную активность, а также занятость за счет различных льгот и субсидий для поддержания спроса и предложения.

3. Ресурсы, которые будут захвачены популистами, безразличными к тяжелым экономическим реалиям, и впоследствии направлены наиболее бедным слоям населения в гораздо большем размере, чем объективно необходимо.

4. Потоки, которые будут захвачены сильными и беспринципными коммерческими лобби, которые ухватятся за любую возможность получить прибыль за чужой счет.

Взаимосвязи этих потоков динамичны и гибки, а также различаются по странам. Мы не можем точно оценить пропорциональное соотношение этих потоков, но понимаем, что они зависят от:

- идеологии правящих партий;
- практической силы и решимости правительств реализовать выбранную стратегию социально-экономической политики;
- наличия социального единства;
- деловой этики;
- баланса сил конкретных групп влияния.

Политику, направленную на создание первого и второго потоков, следует поддерживать, но необходимо помешать утечке денег по третьему и четвертому. Политическая борьба в этой области будет чрезвычайно жесткой, и она уже идет.

Фундаментальные вопросы, которые следует задать в любом случае, касаются формирования отношений государства и рынка, демократии и централизации, многополярности и однополярности, роли международных организаций (как правительственных, так и неправительственных) и прежде всего дилеммы «скоординированная глобальная политика и инклюзивная глобализация *versus* столкновение цивилизаций».

Получает все большее распространение мнение, что после пандемии мир никогда не будет таким, как прежде. Подобные мнения высказывались после каждого кризиса, в том числе 2008–2009 гг. (Legrain, 2010; Posner, 2009), когда многие верили, что все обязательно изменится. Что ж, мир может остаться таким, каким был, потому что группы влияния, получавшие наибольшую выгоду от сложившегося положения, сделают все, что в их силах, чтобы вернуть существовавший порядок. Это будет нелегко, так что будем надеяться, что им это не удастся. И что тогда?

Во-первых, еще более глубокий кризис продолжится некоторое время. Несмотря на это глобализация будет необратимой. Процессы либерализации и экономической интеграции стран, товарных рынков и рынков капитала, а также, пусть и с задержкой и в ограниченной степени, рабочей силы в один взаимосвязанный мировой рынок не остановятся (Kolodko, 2002; Rodrik, 2011; Stiglitz, 2007). Это будет обусловлено в первую очередь привлекательностью свободной торговли и выгод, предлагаемых глобальными цепочками поставок, а также влиянием текущей стадии технологической революции на углубление интернационализации производства и услуг.

Отметим огромную важность глобализации культуры (Pieterse, 2019; Zelizer, 2011). Просмотр «зарубежного» кино и чтение книг, написанных «в другом месте», прослушивание песен, сочиненных «далеко отсюда», и путешествие туда, если хватает денег, — этот процесс не остановить.

Таким образом, возникает вопрос: в каком направлении будет развиваться процесс глобализации? Как в национальных, так и в наднациональных системах, где роль механизмов координации политики в рамках ООН и G20 должна повышаться, будет важно перестроить

отношения между государственным и частным сектором; политикой и рынком; регулированием и надзором; безопасностью и благосостоянием; желанием получать больше и чувствовать себя лучше; свободой и спонтанностью. В этом смысле, действительно, мир уже не будет таким, как прежде. Он уже не такой.

Синдром незавершенной глобализации может усугубиться. Он проявляется в несогласованности между ходом экономической и политической глобализации, которая не успевает за первой или даже начинает отставать из-за Второй холодной войны. В течение нескольких лет, когда стал очевидным новый национализм, проявлялись протекционизм и желание ослабить внешнеэкономические связи. Теперь на некоторое время они могут даже усилиться, превратившись во вредоносные импульсы изоляционизма и автаркии.

С одной стороны, все это может подтолкнуть многие страны в направлении регионализации. С другой стороны, могут ослабевать процессы региональной интеграции там, где они раньше шли полным ходом. Отдельный пример здесь — Евросоюз. Его последующая судьба в контексте пандемии коронавируса особенно важна для будущего мира¹⁵, поскольку, как результат наиболее продвинутого процесса региональной интеграции, он может стать и примером, и антипримером для других регионов мира.

После Великой депрессии 1929–1933 гг. появились не только фашизм, нацизм, милитаризм и сталинизм, но и созидательный «Новый курс». Это говорит о том, что катастрофический экономический коллапс может привести как к отрицательным, так и к положительным последствиям. Далее, Вторая мировая война разделила мир на два противостоящих идеологических, политических и экономических блока. Их конфронтация затронула множество бедных людей в так называемом третьем мире. Сегодня ситуация иная, поскольку в нем проживает более 85% населения планеты и он производит более 60% мировой продукции. Эти страны больше невозможно относить к категории «формирующиеся рынки», созданной неолибералами, потому что они уже достаточно сформировались и становятся все более заметными игроками на экономической и политической арене (Kolodko, 2011; Lin, 2012). Выработывая концепцию нового порядка постпандемического мира и реализуя ее, необходимо прислушиваться не только к Лондону и Вашингтону, Парижу и Токию, Берлину и Сеулу, но и к Абудже и Мехико, Джакарте и Каиру, Бангкоку и Стамбулу, и особенно к Пекину и Дели. И не будем забывать о Москве.

Геоэкономика будет постоянно переплетаться с геополитикой, поэтому необходимо внимательно наблюдать за взаимозависимостью и обратной связью в этих регионах. В отсутствие признанного мирового лидера в нынешнем нестабильном мире будет возрастать конкуренция между Китаем с его растущей мощью и Соединенными Штатами, по-

¹⁵ В один из моментов большой напряженности в ходе борьбы с пандемией «испанский премьер-министр П. Санчес даже предостерегал, что если ЕС не сумеет разработать амбициозный план помощи в борьбе с коронавирусом странам-членам, утопающим в долгах, то союз „распадется на части“» (BBC, 2020c).

зиции которых относительно ослабеют (Brown, 2019). Дружественная конкуренция не принесет вреда, а враждебная конфронтация будет иметь губительные последствия. Это особенно опасно, потому что при утрате влияния США могут повести себя импульсивно, агрессивно и иррационально. Реакция Китая, скорее всего, будет спокойной и прагматичной, однако и в этом нет уверенности. Что важно, КНР не откажется от своего проекта «Пояс и путь» (Maçães, 2018; Kolodko, 2020), а будет еще активнее продвигать его, как только пандемия закончится. Одни страны выразят проекту всестороннюю поддержку, другие будут рассматривать его с опасением и подозрением, поскольку он может подорвать их международное влияние (Obbema, 2015; Economy, 2018).

Извилистые дороги будущего

В перспективе мы не раз будем заблуждаться. Кроме маловероятного возврата к прошлому, к позорному «привычному порядку вещей», есть второй путь — капитализм с ограниченной демократией. Конечно, имеется рациональное зерно в передаче определенных государственных функций компетентным и эффективным технократам. Однако в контексте обсуждаемых здесь вопросов ограниченная демократия подразумевает, что правящие элиты и их услужливые бюрократы доминируют в определенных областях публичного дискурса и основанных на нем процедурах принятия решений. В данном случае необходимо проявлять крайнюю осторожность, чтобы временные ограничения на передвижение людей и распространение информации, перемещение товаров и капитала, включая интеллектуальный, не стали постоянными. Все больше стран движется в этом направлении: Россия под руководством президента Путина, Турция под руководством президента Эрдогана, США под руководством президента Трампа, Филиппины под руководством Дутерте, Египет под руководством генерала Ас-Сиси, пришедшего к власти в результате военного переворота, и Конго под руководством президента Чисекеди, правящего при поддержке Запада, хотя он не был избран с помощью демократических процедур, Мьянма, форма правления которой определена в конституции страны как «дисциплинированная демократия», и Венгрия под руководством премьер-министра Орбана, провозглашающего идею «нелиберальной демократии». В мире будущего нам определенно потребуются дисциплина и демократия, но не обязательно «дисциплинированная демократия».

Третий путь — распространение китаизма, однопартийной системы, в которой правит меритократия, с плюрализмом собственности в экономике и гибкой системой синергии власти «невидимой руки» рынка и «видимой руки» государства (Kolodko, 2018, 2020). Это вариант не для высокоразвитых стран, однако он может стать привлекательным для амбициозных развивающихся стран, в частности в Африке, южной Азии и на Ближнем Востоке, а также, в меньшей степени, — в Южной и Центральной Америке из-за традиционно сильного влияния США в этих регионах. Он может оказаться привлекательной политической моделью, поскольку Китай не только очень успешно демонстрировал не-

вероятный экономический рост в течение последних 40 лет, но и лучше справляется с пандемией коронавируса, чем демократические страны.

Четвертый путь — оптимальный — инклюзивная глобализация, основанная на сотрудничестве между странами с социальной рыночной экономикой, которую в постпандемическом мире следует выстроить всем странам, разумеется, с учетом их культурных особенностей. Это также потребует соответствующей синергии рыночных сил и государственной политики, а также нового стиля международной координации. Функционирование экономики должно быть в большей степени основано на новом прагматизме, имея в виду императив умеренности и обеспечения экономически, социально и экологически устойчивого развития. Тогда получат распространение гармония, взаимовыручка и толерантность, станет меньше эксплуатации, несправедливости и враждебности.

В будущем мы увидим сочетание этих четырех курсов; ни один из них не будет доминировать, и ни один не станет универсальным¹⁶. Их гетерогенная система будет переменчивой и полной противоречий. Очевидно, что ее форма будет в огромной степени зависеть от того, как будет развиваться пандемия и как будет разворачиваться еще более глубокий кризис.

Независимо от того, какой курс возобладает в той или иной стране, везде, хотя и неравномерно, произойдут изменения, связанные с применением искусственного интеллекта, роботизации, дистанционного обучения и удаленной работы. Борьба с пандемией ускорит эти изменения. Масштабы наблюдения за населением с использованием современных технологий значительно вырастут, и не только в авторитарных странах. В демократических государствах охват такого наблюдения окажется предметом постоянных споров в рамках публичного дискурса и в политике, но постепенно станет ясно, что возможное технически найдет политическое применение.

В постпандемическом мире соотношение сил отдельных стран и регионов изменится в пользу развивающихся стран. Это хорошая новость, потому что неравенство доходов между странами может сократиться, что, в свою очередь, ослабит миграционные тенденции и нарастающую на этом фоне международную напряженность.

Роль некоторых международных организаций должна возрасти, в частности ВТО, МОТ и ВОЗ. ООН и ее ведомства испытают кардинальную перестройку для расширения своих полномочий. Роль развивающихся стран в международных организациях повысится вслед за ростом их экономической значимости.

Другая хорошая новость — в этом нестабильном мире все же происходит много хорошего, включая постоянное повышение качества человеческого капитала и темпов научно-технического прогресса. Пандемия временно загнала миллиарды людей в их дома, но благодаря динамичному развитию интернет-платформ миллионам людей не нужно ездить на ра-

¹⁶ Некоторые авторы считают, что в мире будущего возможна только одна капиталистическая система, при этом двух типов: либеральный меритократический капитализм во главе с США и политический капитализм во главе с Китаем (Milanovic, 2019). Однако следует помнить, что реальность уже сейчас более разнообразна и богата, чем эти две модели. В постпандемическом будущем она станет еще более разнообразной.

боту, потому что оказалось, что они могут выполнять свои задачи дома. С одной стороны, это может привести к фундаментальным изменениям в самой парадигме работы, а с другой — радикально сокращает много-часовой рабочий день, который включает и время на дорогу. Меньше пробок, меньше людей в городском транспорте, больше свободного времени, чтобы наслаждаться жизнью. Все это не компенсирует нехватку политического капитала — способности отвечать вызовам, противодействовать конфликтам интересов и решать проблемы, но создает возможности для улучшения, даже когда пандемия смертельно опасного вируса продолжает бушевать. Еще важнее не совершать ошибок на других фронтах. Вся хитрость в том, чтобы заранее знать, что будет ошибкой.

Заключение

Любые выводы мы сможем сделать лишь после пандемии. Сначала нужно ее пережить.

Перевод с английского

Список литературы / References

- Arthur W. B. (2015). *Complexity of the economy*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- Ashworth J. (2020). *Quantitative easing*. Newcastle: Agenda Publishing.
- Baitowski M. (2017). Evolution of economics and the new pragmatism of Grzegorz W. Kolodko. *TIGER Working Paper Series*, No. 136. Kozminski University, Warsaw.
- Baun M. J. (2019). *An imperfect union: The Maastricht Treaty and the new politics of European integration*. New York: Routledge.
- BBC (2020a). Calls for debt relief for world's poorest nations. *BBC News*, April 7.
- BBC (2020b). Coronavirus: Millions will be left in poverty, World Bank warns. *BBC News*, March 31.
- BBC (2020c). Coronavirus: Marathon talks over EU virus rescue package stall. *BBC News*, April 8.
- Brown K. (2019). *What does China want? China's world*. London; New York: I.B. Tauris.
- Deneen P. J. (2018). *Why liberalism failed*. New Haven; London: Yale University Press.
- Diamond J. (2019). *Upheaval. Turning points for nations in crisis*. New York; Boston; London: Little Brown.
- Economist (2020). Everything's under control. The state in the time of covid-19. *The Economist*, March 26.
- Economy E. C. (2018). *The third world revolution: Xi Jinping and the new Chinese state*. Oxford, New York: Oxford University Press.
- Foster J. B., McChesney R. W. (2014). *The endless crisis. How monopoly-finance capital produces stagnation and upheaval from the USA to China*. New York: Monthly Review Press.
- Frydman R., Phelps E. S. (2020). Beating the coronavirus is the best stimulus. Directing businesses to fight the pandemic would help workers more than an infrastructure splurge. *The Wall Street Journal*, April 7.
- Galbraith J. K. (2014). *The end of normal: The great crisis and the future of growth*. New York: Simon and Schuster.
- Galbraith J. K. (2018). Backwater economics and new pragmatism: Institutions and evolution in the search for a sustainable economics. *TIGER Working Papers Series*, No. 138. Kozminski University, Warsaw.

- Harvey D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford; New York: Oxford University Press.
- ILO (2020). *ILO Monitor: COVID-19 and the world of work. Second edition. Updated estimates and analysis*. International Labour Organization, Geneva, April 7.
- Jones G. (2020). *10% less democracy: Why you should trust elites a little more and the masses a little less*. Stanford: Stanford University Press.
- Klein M. C., Pettis M. (2020). *Trade wars are class wars: How rising inequality distorts the global economy and threatens international peace*. New Haven: Yale University Press.
- Kolodko G. W. (2002). *Globalization and catching-up in transition economies*. Rochester, NY; Woodbridge, Suffolk, UK: University of Rochester Press.
- Kolodko G. W. (2010). *Świat na wyciągnięcie myśli*. Warszawa: Pruszyński i S-ka.
- Kolodko G. W. (2011). *Truth, errors and lies. Politics and economics in a volatile world*. New York: Columbia University Press.
- Kolodko G. W. (2014a). *Whither the world: The political economy of the future*. Houndmills; Basingstoke; Hampshire: Palgrave Macmillan.
- Kolodko G. W. (2014b). The new pragmatism, or economics and policy for the future. *Acta Oeconomica*, Vol. 64, No. 2, pp. 139–160. <https://doi.org/10.1556/AOecon.64.2014.2.1>
- Kolodko G. W. (2018). Socialism, capitalism, or chinism? *Communist and Post-Communist Studies*, Vol. 51, No. 4, pp. 285–298. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.10.002>
- Kolodko G. W. (2019). Economy and security, or Cold War Two. In: *Global development: Challenges of predictability and manageability*. The 19th International Likhachov Scientific Conference, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, May 22–24, pp. 100–105.
- Kolodko G. W. (2020). *China and the future of globalization: The political economy of China's rise*. London etc.: I.B. Tauris–Bloomsbury.
- Kolodko G. W., Postula M. (2018). Determinants and implications of the Eurozone enlargement. *Acta Oeconomica*, Vol. 68, No. 4, pp. 477–498. <https://doi.org/10.1556/032.2018.68.4.1>
- Koźmiński A. K., Noga A., Piotrowska K., Zagorski K. (2020). *The balanced development index for Europe's OECD countries, 1999–2017*. Springer Briefs in Economics. Cham, Switzerland: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-39240-6>
- Krastev I., Holmes S. (2019). *The light that failed: Why the West is losing the fight for democracy*. New York; London: Pegasus Books.
- Krugman P. (2020). *Arguing with zombies: Economics, politics, and the fight for a better future*. New York: W. W. Norton and Company.
- Legrain Ph. (2010). *Aftershock: Reshaping the world economy after the crisis*. London: Little Brown.
- Lin J. Y. (2012). *New structural economics: A framework for rethinking development and policy*. Washington, DC: The World Bank.
- Maçães B. (2018). *Belt and Road: A Chinese world order*. London: Hurts.
- McLean B., Nocera J. (2010). *All the devils are here: The hidden history of the financial crisis*. New York: Portfolio.
- Milanovic B. (2016). *Global inequality for the age of globalization*. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Milanovic B. (2019). *Capitalism, alone: The future of the system that rules the world*. Cambridge, MA; London: The Belknap Press of Harvard University Press.
- Morris I. (2010). *Why the West rules – for now: The patterns of history and what they reveal about the future*. London: Profile Books.
- Obbema F. (2015). *China and the West: Hope and fear in the age of Asia*. London; New York: I.B. Tauris.
- Pieterse J. N. (2019). *Globalization and culture*. London: Rowman & Littlefield.
- Posner R. A. (2009). *A failure of capitalism: The crisis of '08 and the descent into depression*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Randers J. (2012). *2052: A global forecast for the next forty years*. White River Junction, Vermont: Chelsea Green Publishing.

- Rodrik D. (2011). *The globalization paradox: Democracy and the future of the world economy*. New York; London: W. W. Norton.
- Schaechter A., Kinda T., Budina N., Weber A. (2012). Fiscal rules in response to the crisis – toward the “next-generation” rules. A new dataset. *IMF Working Paper*, No. WP/12/187. <https://doi.org/10.5089/9781475505351.001>
- Seck D. (2020). *Financing Africa's development: Paths to sustainable economic growth*. Cham, Switzerland: Springer.
- Stiglitz J. E. (2007). *Making globalization work*. New York; London: W. W. Norton.
- Stiglitz J. E. (2019). *People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent*. New York; London: W.W. Norton.
- Tanzi V. (2013). *Dollars, euros, and debts. How we got into the fiscal crisis and how we get out of it*. New York: Palgrave Macmillan.
- Tirole J. (2017). *Economics of the common good*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.
- Wallace-Wells D. (2019). *The uninhabitable Earth: Life after warming*. New York: Tim Duggan Book.
- Wolf M. (2014). *The shifts and the shocks*. London: Allen Lane.
- Zelizer V. A. (2011). *Economic lives: How culture shapes the economy*. Princeton: Princeton University Press.
-

After. Economics and politics of the post-pandemic world

Grzegorz W. Kolodko

Author affiliation: TIGER – Transformation, Integration and Globalization Economic Research, Kozminski University (Warszawa, Poland).
Email: kolodko@tiger.edu.pl

The coronavirus pandemic that has shaken the world will lay a long shadow for many years. It puts humanity in the face of incredible challenges that coincide with other negative mega-trends and unresolved economic, social and political problems. The enormous consequences and costs of the pandemic – human and social, economic and financial – will be known only *ex post*. While some lose nothing, others lose everything, sometimes even their lives. The heterogeneous, post-pandemic future – in which under the conditions of irreversible globalization various political and economic systems will interact with each other – will follow many paths, with the position of highly developed countries becoming relatively weaker. Tensions on the US–China line will increase, geopolitics and geoeconomics will change. The confrontation between democracy and authoritarianism will intensify, the synergy of the market and the state will be transformed. It will be particularly dangerous to turn two sides of the same counterfeit coin as an alternative: neoliberal capitalism *versus* populist capitalism. Chances for the better future may be created by a gradual transition to new pragmatism. It is a strategy of moderation in economic activities and a triple – economically, socially and ecologically – sustainable development based on the outline of an innovative, unorthodox and holistic economic theory. Pandemic is also an immense challenge for social sciences, not only for economics, because old manner of thinking will often occur to be useless for analyzing and explaining new situations.

Keywords: pandemic, crisis, globalization, future, economic policy, development strategy, imagination, democracy, new pragmatism.

JEL: A1, E02, E65, F02, H12, H68, I15.